

М. М. Сафонов

Санкт-Петербургский институт истории РАН,
Санкт-Петербург, РФ

РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ И ДЕКАБРИЗМ

Название этой статьи не может не вызвать удивления. Когда существовала Речь Посполитая, никакого декабризма еще не было. Когда же возник декабризм, Речи Посполитой уже не было. Но эти два предмета связаны между собой теснейшим образом. Многообразное влияние польской культуры на Россию проявилось в частности и в том, что Речь Посполитая самим фактом своего исторического существования явилась одним из тех факторов, которые породили декабризм. Как это не покажется парадоксальным на первый взгляд, но декабризм возник прежде всего для того, чтобы не дать возможности только что созданному Королевству Польскому вновь стать Речью Посполитой.

Официальной датой образования первого декабристского общества — Союза спасения — считается 9 февраля 1816 г. Ее назвал один из основателей тайного общества С.П. Трубецкой, на первом же допросе в Следственном комитете делу декабристов.¹ Четверть века спустя он повторил ее в своих «Записках».² Трубецкой был единственным человеком, который назвал месяц и число, когда образовалось тайное общество. Поскольку все декабристские юбилеи отсчитывались от известных событий на Сенатской площади 14 декабря 1825 г., никто никогда не придавал точной дате образования Союза спасения серьезного значения. Хотя тот факт, что Трубецкой десять лет спустя мог назвать дату с точностью до дня, не может не привлечь к себе пристального внимания и требует объяснения. Очевидно, один из основателей декабристской конспирации запомнил точную дату потому, что в этот день произошло что-то очень важное. И оно было связано с образованием тайного общества. Как это не покажется стран-

¹ Восстание декабристов. (Далее: ВД). Т. I. М.:Л, 1925. С. 9.

² Трубецкой С.П. Записки : Письма И.И. Толстому 1818- 1823. СПб, 2011. С. 52.

ным, но ни один ученый не задался вопросом, что же такого произошло в этот день.

Между тем это «что-то» служит ключом для понимания того, что побудило офицеров гвардии, принадлежавших, что называется к «сливкам общества» создать тайное общество и назвать его «Союзом спасения». Кого и от чего юные гвардейцы, прошедшие горнило наполеоновских войн, собирались спасать?

Оказывается, событие, послужившее толчком к образованию декабристкой конспирации, имело непосредственное отношение к Царству Польскому. Точнее говоря, явилось важным моментом в истории сложных русско-польских отношений. 8 февраля 1816 г. Александр I подписал указ, который в «Полном собрании законов» обозначен так: «Об определении в Виленской губернии и в других губерниях исправников и заседателей земских судов по выбору дворянства». ¹ На первый взгляд этот указ — одно из тех рутинных распоряжений правительства, ничего важного в себе не заключающих. Однако это далеко не так. Новый закон очень больно бил по интересам русского дворянства и мог быть воспринят чуть ли не как предательство национальных интересов России. В указе речь шла о русско-польских губерниях, присоединенных к России в результате разделов Польши. В 1802 г. там был установлен порядок, на основании которого на этих территориях со смешанным населением заседатели в земских судах и земские исправники, должны не выбираться дворянством этих губерний, как это предписывалось во всей империи «Учреждением об управлении губерний», но назначаться правительством. Понятно, что таковые назначения позволяли лучше отстаивать интересы российского населения. 8 февраля 1816 г. законодатель отменил этот порядок. Царь мотивировал это тем, что опыт показал: назначаемые правительством чиновники не знают местных особенностей и не могут успешно выполнять возложенные на них функции. На практике это означало, что суд и расправа в русско-польских губерниях передавалась в руки поляков. Численное превосходство польского дворянства на этих территориях гарантировало обеспечение прежде всего польских интересов.

Но могло ли это, пусть и значительное само по себе событие, повлечь образование декабристкой конспирации? Чтобы ответить на этот вопрос необходимо рассмотреть этот указ через призму русско-польских отношений второго десятилетия XIX в.

Как известно, в противостоянии александровской России и наполеоновской Франции Польша являлась разменной картой, и вопрос о восстановлении

¹ ПСЗ, I, № 26 131.

польского государства делал ее картой козырной. После разгрома Наполеона по инициативе Александра I на Венском конгрессе из большей части Герцогства Варшавского, созданного французами, было образовано Королевство Польское, которое стало частью Российской империи, и было накрепко связано с ней одной правящей династией. 21 апреля / 3 мая 1815 г. Россия подписала два трактата один с Австрией¹, другой с Пруссией². Варшавское герцогство, под именем Царства (Королевства) Польского навсегда объявлялось владением российского императора, принявшего титул царя (короля) польского и его наследников и преемников (*ses héritiers et successeurs*). 9/21 мая 1815 г. манифест Александра I известил поляков о присоединении к России герцогства Варшавского и создании Царства Польского.³ 13/ 25 об этом было объявлено полякам.⁴ 28 мая/9 июня 1815 г. был подписан заключительный Генеральный акт Венского конгресса. I статья акта буквально воспроизводила формулировки трактатов, заключенных Россией с Австрией и Пруссией относительно Царства Польского. В частности здесь говорилось «*Sa Majesté Imperiale se réserve de donner à cet Etat jouissant d'une administration distincte, l'extension intérieure qu'elle jugera convenable*».⁵ В манифесте, объявившем российским поданным об акте Венского конгресса, это выражение было передано так: «Его императорское величество предполагает даровать по своему благоусмотрению внутреннее распространение сему государству, имеющему состоять под особым управлением».⁶

Выражение «*l'extension intérieure*», то есть «внутреннее распространение» было, неопределенно и двусмысленно. Можно было увидеть в нем расширение прав особого управления этой части России, то есть большей самостоятельности, или же обещание дальнейших территориальных приращений, только что созданного государства. Но большинство современников увидели в этой фразе право императора и польского короля расширять территорию королевства Польского за счет его собственных владений.⁷

Эта многообещающая фраза отражала стремление Александра создать на западной границе России мощный форпост против западных государств. На это

¹ Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1876. С. 319; ПСЗ, I, № 25824.

² Мартенс Ф.Ф. Указ. Соч. С. 336–337; ПСЗ, I, № 25827.

³ ПСЗ, I, № 25842.

⁴ Angeber. Le Congrès de Vienne et les traités 1815. T. III. Paris, 1864. P. 1224–1225.

⁵ Мартенс Ф.Ф. Указ. соч. С. 237.

⁶ ПСЗ, I, № 25863.

⁷ Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830. М., 2010. С. 94.

обстоятельство недвусмысленно указывал манифест 9 мая 1815 г, сообщивший россиянам о заключении договоров с Пруссией и Австрией о создании «Польского царства». В манифесте объявлялось, что «сим ограждается пределов наших безопасность, возникает твердый оплот, наветы и вражеские искушения отражающий, возрождающий узы братства племен взаимно между собой сопряженных единством происхождения».¹ Да и сам Александр так объяснил это А.И. Михайловскому-Данилевскому : «Польское царство послужит нам авангардом во всех войнах, которые мы можем иметь в Европе; сверх того, для нас есть еще та выгода, что давно присоединенные к России польские губернии, при могущей встретиться войне, не зашевелятся, как то бывало прежде, и что опасности сей подвергнуты Пруссия, которая имеет Позень и Австрия, у которой есть Галиция».²

Но для того, чтобы этот заслон мог быть эффективным, он должен был быть достаточно силен и жизнеспособен. Чтобы возрожденная Польша могла стать сильным государством, она должна была обладать достаточной для этого территорией, располагать значительными людским ресурсами, иметь выход к морю и быть обеспеченным полезными ископаемыми. Поэтому Александр всерьез думал о воссоздании Речи Посполитой.³ Это означало восстановление Великого княжества Литовского и возвращение Польше русско-польских губерний, отошедших в ходе разделов последней четверти XVIII в. Еще надо было склонить Австрию и Пруссию вернуть Польше отобранные у нее в ходе разделов территории. Но это грозило развалом Священного союза, которым царь весьма дорожил. Поэтому на первый план вставал вопрос о восстановлении Великого княжества Литовского и возвращении русско-польских губерний. Этого настоятельно требовала польская сторона. И царь не мог не реагировать на эти требования.

15/ 27 ноября 1815 г. Александр I подписал написанную по-французски конституцию Царства Польского. В 1816 г. она была опубликована на французском языке и в польском переводе «Дневнике законов Царства Польского»⁴ Российский самодержец Александр I стал конституционным польским королем.

Французская публикация конституции Царства Польского вызвала негодование у патриотично настроенных русских. «В последних пунктах этой кон-

¹ ПСЗ, I, № 25 842.

² Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Т. IV. СПб., 1898. С. 63–64.

³ Аскенази Ш. Царство Польское. 1815–1830. М., 1915. С. 25.

⁴ Конституционная хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского. (1814–1881). СПб., 1907. С. 5, 64–108.

ституции, — вспоминал И.Д. Якушкин, — было сказано, что никакая земля не могла быть отторгнута от Царства, но что по усмотрению и воле высшей власти могли быть присоединены к Польше земли, отторгнутые от России, из чего следовало заключить, что по воле императора часть России могла сделаться Польшей». В людях, готовых жертвовать собою для блага России «все это посеяло ненависть к императору Александру». ¹ Ни в одном из пунктов конституционной хартии Польши об этом не упоминалось. Видимо, Якушкин так растолковал Генеральный акт Венского конгресса. Но едва ли следует сомневаться в том, что общее настроение вчерашних победителей Наполеона он передал верно.

По пути с Венского конгресса Александр I посетил Варшаву. Там был образован его двор как короля Польши, учрежден придворный штат, назначены чины его. Туда даже были доставлены придворные экипажи. После этого посещения они остались в Варшаве. ² Это дало основание для подозрений, что император готовится к тому, чтобы перенести свою столицу в Варшаву. Любая похвала польским чиновникам, польскому дворянству, подчеркнутая любезность с польской знатью, особенно с дамской ее частью, что было продемонстрировано русским царем во время его визита в Варшаву во второй половине 1816 г., воспринималось в контексте дворянских опасений, окрашенных в патриотические тона.

В Петербурге и в Москве распространялись слухи о переносе столицы России в Варшаву. Впоследствии об этих нелепых слухах вспоминал Якушкин. Они сводились к следующему: «Во-первых, что царь влюблен в Польшу и это было всем известно; на Польшу, которой он только что дал конституцию и которую почитал несравненно образованнее России, он смотрел как на часть Европы: во-вторых, что он ненавидит Россию, и это было вероятно после всех его действий в России с 15-го года; в-третьих, что он намеревается отторгнуть некоторые земли от России и присоединить их к Польше, и это было вероятно; наконец, что он, ненавидя и презирая Россию, намерен перенести столицу свою в Варшаву. Это могло показаться невероятным, но после всего невероятного, совершаемого русским царем в России, можно было поверить и последнему известию, особенно при нашем в эту минуту раздраженном воображении». ³

1/13 июля 1817 г. вышел указ о формировании отдельного корпуса литовских войск. ⁴ Указом 14 октября 1817 был определен состав этого корпуса. Он

¹ Якушкин И.Д. Записки, статьи, письма, документы. М., 1951. С. 16.

² Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Т. III. СПб, 1905. С. 176, 356.

³ Якушкин И.Д. Указ. Соч.. С. 16.

⁴ ПСЗ, I, № 26950.

должен был набираться из уроженцев Виленской, Гродненской, Минской, Волынской, Подольской губерний, а также Белостокского округа. Причем уроженцы этих губерний в составе русской гвардии переводились в Литовский корпус. Корпус был обмундирован по польскому образцу. У него был особый герб — «Литовские погоны» — государственный герб Литвы на груди двуглавого российского орла, вместо Святого Георгия. Литовский корпус представлял собой самостоятельную единицу, обособленную от русской армии. Очевидно, он предназначался к слиянию с войсками Царства Польского. Корпус насчитывал 40 тысяч человек. Присоединение его к польской армии, главнокомандующим которой являлся цесаревич Константин, увеличило бы численность вооруженных сил Царства Польского почти вдвое.

В российских верхах складывалось впечатление, что дело идет о восстановлении Великого княжества Литовского и соединении его с Царством Польским. Уезжая из Польши после открытия первого Сейма 1818 г., Александр приказал сенатору Н.Н. Новосильцеву подготовить перевод с латинских актов 1423 и 1551 гг., соединивших в союз Речь Посполитую и Великое княжество Литовское.¹ 20 декабря 1819 г. Новосильцев предоставил царю итоговую справку о соединении Литвы и Польши вместе с переводом указанных актов на русский язык.²

Замысел царя встретил резкое осуждение среди русской элиты. Прежде всего он грозил материальными потерями русского дворянства, крупной земельной знати, обогатившейся в ходе разделов Польши. Но эта материальная подкладка сопротивления польской политике царя маскировалась расхожими утверждениями, что Александр «влюблен в Польшу», предпочитает поляков соотечественникам и презирает русских

Восстановление Речи Посполитой означало, что и на этих территориях со смешанным населением также будет действовать Конституционная хартия. Государственным языком станет польский, религия — католической, чиновники — поляки, вооруженные силы так же польские.³ Более того, Хартия не могла действовать на территориях, где существовало крепостное право, ибо последнее не позволяло реализовать провозглашенные ей права: неприкосновенность личности, равенство всех сословий перед законом и т.д.⁴ Поэтому, прежде чем включить эти территории в Царство Польское, необходимо было произвести на

¹ Польша и Россия в первой трети XIX века. С. 341.

² Русская старина. 1882. Т. XXXV. С. 142–144.

³ См. статьи 11, 28, 29, 56. (Конституционная хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского. С. 42, 62)

⁴ Там же. С. 42–43. См. статьи 16–23.

них освобождение крестьян. Это делало проблему восстановления Речи Посполитой особенно щекотливой для российских душевладельцев.

В 1817–1819 г. Александр стал осуществлять постепенную отмену крепостного права по отдельным регионам страны. Начал он с прибалтийских губерний. Следующим этапом должны были стать Малороссийские губернии: Полтавская и Черниговская.¹ Летом 1816 г. по пути в Варшаву Александр посетил их². При этом он обращал особо внимание на положение крестьян, организацию их труда, отношения с помещиками. Бывшему предводителю дворянства С.М. Кочубею, полтавскому помещику, было поручено подготовить проект освобождения малороссийских крестьян. Летом 1817 г. царь посетил белорусские губернии, в том числе Витебскую и Могилевскую. Снова он побывал и в Малороссии. «Кажется, что цель этой поездки, вспоминал С.П. Трубецкой, была приготовить мысли дворянства этих губерний к свободе крестьян. Первое начало положено уже было в Эстляндии, за которую должны были следовать Лифляндия и Курляндия... Малороссийскому дворянству государь сам лично в сказанной речи объявил о своем намерении, но в сердцах их не нашел созвучия; сопротивление ясно выразилось в ответной речи Черниговского губернского предводителя. Это кажется поколебало твердость государя, ибо в Москве он удержался от выражения своих чувств касательно этого предмета. Должно полагать, однако ж, что он искренне желало его исполнения. Но между тем от дворянства хотел только повиновения своей воле, а не содействия». Во время пребывания царя в Москве в дворянских гостинных обсуждали вопрос о свободе крестьян «со страхом». Более того, «многие говорили, что если государь будет упорствовать в своем намерении дать свободу, то дворянам не останется ничего более делать, как уехать в чужие края».³

В 1817–1819 г. в прибалтийских губерниях была проведена отмена крепостного права. Согласно донесениям прусского посла Шепера освобождение крестьян в Литовских губерниях считалось необходимою предпосылкой соединения «русско-польских губерний с королевством».⁴ Прусский консул в Варшаве Шмидт 9 февраля 1819 г. донес в Берлин о намерении присоединить Литовские губернии к Польше, как о деле решенном. Указом 9 августа 1823 г., Псковская губерния была присоединена к прибалтийскому наместничеству.⁵

¹ Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. М., 1989. С. 77–80.

² Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Т. IV. С. 47–48, 71–78.

³ Трубецкой С.П. Указ. соч. С. 54–55.

⁴ Вернадский Г. В. Государственная уставная грамота Российской империи 1820 г. Прага, 1925. С. 30.

⁵ Трубецкой С.П. Указ. соч. С. 100.

Никто из биографов династии Романовых не обратил внимания на то важное обстоятельство, что особый Литовский корпус во главе с Константином, был создан в тот же день, когда состоялось бракосочетание его младшего брата Николая с прусской принцессой Шарлоттой.¹ Летом 1819 г. Александр впервые сообщил Николаю о своем намерении передать ему российский престол.² В мае 1820 г. Константин женился на польке. Его супруга не получила титула великой княгини и осталась католичкой.³ Цесаревич вступил в морганатический брак, дети от которого теряли права на российский престол. В январе 1822 г. Константин в письме на имя Александра просил уволить его от прав на российский престол, а в феврале того же года он получил согласие царя. Затем двумя указами 29 июня 1822 г. Константин, глава Литовского корпуса, был назначен главнокомандующим в губерниях Виленской, Гродненской, Минской, Вольнской, Подольской и Белостокской области.⁴ Ему были присвоены «все права, власть и преимущества», предоставленные главнокомандующим по учреждению действующей армии от января 1812 г.⁵ По сути дела это означало, что все верховное управление на этих территориях перешло в его руки. Чиновники этих областей носили мундиры польского образца с малиновым воротником.⁶ Такое положение объявлялось «впредь до нашего указа», то есть временным.

16 августа 1823 г. Александр подписал манифест о передаче после его смерти престола Николаю. Манифест был положен в Успенский собор и в высшие государственные учреждения, но остался не опубликованными. На конверте была сделана надпись о том, что он может быть возвращен по первому требованию царя.⁷ То есть, допускалась возможность изменения в будущем устанавливаемого порядка. Складывалось впечатление, что Россия и Польша, объединенные одним престолом, будут управляться разными лицами, при этом Царство Польское окажется в руках цесаревича Константина, но неизвестно с каким титулом. Манифест 16 августа упоминал о Николае как назначенном наследнике «единого неразделенного престола Всероссийской Империи, Царства Польского и Княжества Финляндского престола».⁸ Но поскольку генеральный акт Венского

¹ ПСЗ, I, № 26 951.

² 14 декабря 1825 года и его истолкователи. М., 1994. С. 317.

³ Шильдер Н.К. Император Александр I. Т. IV. С. 176, 278–282.

⁴ ПСЗ, I, № 29087.

⁵ ПСЗ, I, № 29088.

⁶ Аскенази Ш. Царство Польское. 1815–1830. М., 1915. С. 109.

⁷ Сафонов М.М. Междоусобие // Дом Романовых в истории России. 1995. С. 166.

⁸ 14 декабря 1825 года и его истолкователи. С. 223.

конгресса, упоминал о Царстве Польском как вечном владении всероссийского императора и его «наследников и преемников», не исключали, что преемником Александра в Польше станет Константин. Возможно, он получил бы должность наместника, определить которую особым указом предписывала Конституционная хартия Польши.¹

В этой связи характерна реакция генерал-адъютанта М.Ф. Орлова на события междуцарствия. В записке, подданной Николаю I 29 декабря 1825 г. он писал, что после смерти Александра I «по Москве пошел зловещий слух о разделе. Говорили, будто царское завещание устанавливало полное отделение Польши и русско-польских провинций, а также Курляндии, и что Священный союз гарантирует это отделение.... Некоторые же истинно русские люди, и я в том числе, ... сокрушались по поводу отделения Польши ...».² Примерно то же самое 27 декабря 1825 г. показал на следствии и А.А. Бестужев: «Стали носиться слухи, что он (Константин — М.С.) отказывается; Польша с Литвой и Подолией отойдет от России, чтобы не обделить экс-императора... тогда, признаюсь, закипела во мне кровь, неуместный патриотизм возмутил рассудок».³

Восстановление Речи Посполитой в ее исторических границах, существовавших задолго до разделов XVIII в., вызывало страх у русских землевладельцев еще и потому, что оставалось неясным, как далеко эти границы будут распространены. Н.М. Карамзин в сентябре 1819 г. в записке царю писал о том, что восстановление «древнего Королевства Польского» чревато не только потерей губерний, приобретенных Россией в ходе разделов, но гораздо большими территориальными потерями. Карамзин пугал царя тем, что если он отдаст Белоруссию, Волынь, Подолию вместе с Галициею, то от него потребуют «и Киева и Чернигова и Смоленска», ибо они также принадлежали враждебной Литве».⁴

Ум военного человека не мог понять, как можно отдавать свою территорию с населением 12 млн. человек своему поверженному противнику. Никакие дипломатические соображения не могли заставить вчерашних победителей Наполеона смириться с этим. Так же думали и высшие гражданские лица. Они утверждали, что помимо соображений целесообразности, существуют еще и юридические основания, не позволяющие самодержавному монарху добро-

¹ Конституционная хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского. С. 41.

² ВД. Т. XX. М., 2001. С. 164.

³ ВД. Т. I. С. 436.

⁴ Цит. по: Чернов К.С. Забытая конституция : «Государственная Уставная Грамота Российской империи. М., 2007. С. 55.

вольно передавать часть территории своей страны с проживающим на нем населением кому бы то ни было: ведь при обряде коронации самодержец присягал неделимости Российской империи. Эту аргументацию подробно развил председатель департамента законов Государственного совета Н.С. Мордвинов¹. Сильнейшее сопротивление польская политика Александра встретила среди генералитета. Первую скрипку здесь играл М.Ф. Орлов.²

Учитывая все это, становится понятным, что указ 8 февраля 1816 г. был только первой тревожной ласточкой. Но он не мог не восприниматься как предательство русских интересов и как подготовительный шаг к отделению от России ее исконных территорий. Отторжение российских земель воспринималось дворянством как национальная измена и поднимало вопрос о том, входит ли в компетенцию верховной власти право уменьшать территорию своего государства, а это вело к постановке более общего вопроса о пределах власти самодержца. В такой ситуации возникновение Союза спасения было почти неизбежным. Он был призван спасти Россию, от врага Отечества, царя, готового принести в жертву национальные интересы страны в угоду своим личным предубеждениям. В таком случае, он сам должен был стать жертвой.

Едва ли случайно, что Союз спасения был создан А.Н. Муравьевым, капитанам Генерального гвардейского штаба. А.М. Муравьев был племянником Н.М. Мордвинова и жил во флигеле его дома; там он встречался членами созданного им тайного общества.³

Но самое, пожалуй, интересное заключается в том, что Союз спасения, образованный на следующий день после указа 8 февраля 1816 г., не был первой конспирацией, возросшей на почве противостояния польской политике Александра. Союзу спасения предшествовал Орден русских рыцарей, созданный М.Ф. Орловым и М.А. Дмитриевым-Мамоновым. Отметим, что они оба были представителями крупной землевладельческой знати, обогатившейся во время царствования Екатерины II. Первый племянник одного фаворита императрицы, участника первого раздела Польши, второй родной сын фаворита. (Небезынтересно отметить, что в последний год существования декабристкой конспирации ее участником стал и внук Екатерины В.А. Бобринский⁴).

Традиционно декабристоведе стараются развести эти две организации как можно дальше. Причин этому несколько. В марксистском декабристоведении не

¹ Архив графов Мордвиновых. Т. IV. СПб., 1902. С. XX-XXXIII.

² Якушкин И.Д. Указ. соч. С. 38.

³ Муравьев А.Н. Сочинения и письма. Иркутск. 1986. С. 74.

⁴ Декабристы: Биографический справочник. М., 1988. С. 24.

должно было никаких рыцарских орденов. К тому же, ярко выраженная антипольская направленность ордена, носившего национальную окраску с признаками ксенофобии, не позволяла объявить его первой декабристкой организацией. Поэтому предпочитали признать орден «мнимой» организацией, то есть не существующей. А между тем она не только существовала, но генетически была связана с Союзом спасения.

26 декабря 1825 г. А. А. Бестужев показал в Следственном комитете, что тайное общество, в котором он находился, «есть остаток какого-то общества еще с 1815 года». В нем «якобы участвовали генералы Михаил Орлов, Лопухин и Фон Визин». ¹ П. Г. Каховский 18 декабря утверждал, что «Общество наше началось с 1815 года». ²

В записке на имя царя 29 декабря 1825 г. Орлов писал, что, «кажется, первым задумал создать в России тайное общество» еще в 1814 г. Вместе с Дмитриевым-Мамоновым он собирался бороться с внутренними врагами, с «наполеонами в администрации», «которые творят внутренний разбой». Но наступили события 1815 г. «Создание Польского царства, тщетность моих возражений против этого плана, высказанных царствующему тогда государю, убеждение, что в Польше существовало ...тайное общество, подготавливающее ее воссоединение, место, которое польский вопрос все больше приобретал, или, по крайней мере, казалось, что приобретал в планах государя, ибо как раз в это момент был создан Литовский корпус, — все это вместе взятое, внушило мне мысль включить противодействие польской системе в мои первоначальные планы. В связи с этим в (...) в 1816 и частично в 1817 г. я был занят вместе с Мамоновым этим делом, но оно не было завершено, а вскоре было совершенно оставлено нами». Однако Орлов узнал, что уже «образовалось общество молодых людей, большей частью гвардейских офицеров, которые тоже ...работали в том же направлении». ³ То есть противодействовали польской политике Александра.

Орлов имел в виду общество, созданное А. Н. Муравьевым. Орлов пытался убедить царя в том, что, несмотря на свои планы, никакого тайного общества он не создал, а в общество А. Н. Муравьева вступать не стал. Объяснения Орлова были сочтены неудовлетворительными. 4 января 1826 г. в развернутом виде Орлов повторил то, что ранее уже сообщил. Он подчеркнул только то, что план общества по борьбе с лихоимством хотел представить на утверждение Александра. Но польские замыслы царя заставили отказаться его от этой мысли. «Государь из-

¹ ВД. I. С. 431.

² ВД. I. С. 340.

³ ВД. Т. XX. М., 2001. С. 161.

волил отправиться в Вену и вскоре разнеслись слухи о восстановлении Польши. Сия весть горестно меня поразила, ибо я всегда почитал, что сие восстановление будет истинным несчастьем для России. Я тогда же написал почтительное, но, по моему мнению, довольно сильное письмо к его императорскому величеству. Но сие письмо, известное генерал-адъютанту Васильчикову, у меня пропало еще не совсем доконченным, и сведение об оном, дошедши до государя, он долго изволил не меня гнеться». Большую часть 1816 г. Орлов отсутствовал в Париже. «Тогда преубежденным будучи, что восстановление Польши не могло столь сильно быть поддерживаемо русским правлением без влияния польского тайного общества над намерением и волею государя, я вознамерился к первому моему предмету присоединить и другой, то есть противопоставить польскому русское тайное общество. Но это сделало невозможным представить свой план на утверждение Александра. Орлов занимался этим делом в конце 1816 и начале 1817 г., но не довел его до конца. Узнав от М.Н. Новикова или А.Н. Муравьева, что такое общество уже существует, бросил все прежние свои сочинения. На предложение войти в их общество Орлов ответил отказом, но «был внесен в табель другом». «Другом» члены общества Муравьева называли тех, кто имел свободный образ мысли.¹

В дополнении к первому допросу 4 января 1826 г., П.И. Пестель стремился убедить царя в том, что в России существует много тайных обществ. Среди них он назвал «Орден русских рыцарей», о котором он слышал от Орлова. Но Пестель не знал ни о его составе, ни об организации.² 8 января Н.М. Муравьев показал, что в феврале 1817 г. общество А. Н. Муравьева — «Союз спасения» — приняло написанный Пестелем устав. Его организаторами стали Пестель, Трубецкой, и Александр Муравьев. Пестель уехал в Митаву, а Александр Муравьев стал руководить обществом. В это время в Петербурге находился Орлов. «Они открылись друг другу потому, что каждый из них стал уговаривать другого вступить в свое общество. Переговоры сии кончились тем, что они обещались не препятствовать один другому, идя к одной цели оказывать взаимные пособия. Нашему обществу стал известен один г. Орлов — его обществу один Александр Муравьев».³ Орлову общество создать не удалось. Его представитель в Петербурге Н.И.Тургенев вступил в Союз благоденствия, преобразованный из Союза спасения. Тогда его примеру последовал и Орлов. Он был принят в Москве Александром Муравьевым.⁴

¹ ВД. Т. XX. С. 165, 167–168.

² ВД. Т. IV. М.: Л., 1927. С. 83.

³ ВД. Т. I. С. 305–306.

⁴ Там же. С. 307.

9 января в Комитете заслушали показание Орлова.¹ А три дня спустя он представил дополнительное показание об «Обществе русских рыцарей». Орлов утверждал, что такого общества не существует. Он хотел его составить с целью, противодействия польской политике, но оно так и не было составлено. Хотя был написан устав, но в 1818 г. его сожгли. Предание о нем возникло от того, что, когда Орлова приглашали в Союз благоденствия, он отговаривался тем, что принадлежит к другому обществу — русских рыцарей.²

29 января Матвей Муравьев показал в Комитете, что основателями тайного общества были Орлов, Пестель, Александр Муравьев. В 1817 г. слышал, что М. Орлов начальствовал над тайным обществом, но члены его составляющие, Матвею не были известны. Общество, к которому Матвей принадлежал, было основано в Петербурге в 1817 г. и не имело никаких сношений с Орловым.³

31 января Сергей Муравьев дал показания в Комитете об образовании тайного общества, подчеркнув, что сведения могут быть и неверными, потому что сам не был деятельным членом. Основателями того общества, в которое он был принят, являлись Пестель, Н.М. Муравьев, А.Н. Муравьев, М. И. Муравьев, Якушкин, Трубецкой. Тогда же или еще раньше возникло другое, основателем которого был Орлов. Общество, в которое был принят Сергей, основано в Петербурге в 1816 г. Оно не имело никакого наименования и цели. Сергей не знал никаких других обществ, кроме общества Орлова, «называющегося, если не ошибаюсь, Рыцарями правды, и слившегося в последствии с нашим».⁴ (разрядка моя — М.С.)

Итак, один брат, Матвей, утверждал, что основанное Александром Муравьевым общество не имело никаких сношений с антипольским обществом Орлова, другой брат, Сергей, заявлял, что оба общества впоследствии соединились. Спрошенный об этом Александр Муравьев пытался отрицать, что он был единственным основателем тайного общества в России. При этом он подчеркнул, что общество Орлова составилось «независимо от нашего». Хотя руководители каждого общества открылись друг другу и обязались оказывать взаимные пособия, Муравьев был известен только самому Орлову, а не его обществу, ибо никогда не знал, кто были его члены. Не знал он и о целях общества Орлова.⁵ Странное заявление. Как можно обязываться помогать обществу, цель которого тебе неизвестна?

¹ ВД. Т. XVI. М., 1986. С. 53.

² ВД. Т. XX. С. 181–182.

³ ВД. Т. IX М., 1950. С. 217–224.

⁴ ВД. IV. С. 273–274.

⁵ ВД. Т. III. М.: Л., 1927 С. 16, 18.

Все эти показания свидетельствуют о том, что Орден русских рыцарей, созданный для противодействия польской политике Александра, в действительности существовал. Это находит подтверждение и в «Записках» С.П. Трубецкого, который называет среди его членов, ведущих деятелей декабристского движения: М.А. Орлова, М.А. Фонвизина, Н.И. Тургенева.¹

15 декабря 1825 г. в 4 ч. утра в столе Трубецкого была обнаружена написанная его рукой рукопись так называемого «Манифеста Русскому народу». Конспект был написан на листе, вырванном из тетради, содержащей раннюю редакцию проекта конституции М.Н. Муравьева. По-видимому, оба документа сохранились совершенно случайно. Во всяком случае, никаких других бумаг, относящихся к деятельности тайного общества, кроме этих двух, при обыске найдено не было. Очевидно, всех их успели уничтожить, а об этих «старых» бумагах забыли. Конспект вместе с проектом конституции был вложен в обложку, на втором листе которого имелась надпись: «Спаси, господи, люди твоя и благослови достояние твое!». Фраза эта заимствована из «Тропаря Кресту и молитвы за Отечество». В Тропаре эта молитва звучит так: «Спаси, господи, люди твоя, и благослови достояние твое, победы православным христианам на сопротивные даруя, и твое сохраняя крестом твоим жительство». Еще прочесть ее в контексте российско – польских отношений того времени, становится очевидным: эта формула словно изобретена, чтобы быть противопоставленной польским планам Александра I.

Надпись эта не вызвала интереса у следователей. Не привлекла она и внимание ученых. А между тем она давала некоторые основания поставить вопрос о причастности документов, найденных у Трубецкого, к идеологии «Ордена русских рыцарей»². Впрочем, только 18 января 1826 г.³ в руках следствия оказались документы, из которых явствовало, что члены «Ордена» должны были носить кресты, на внутренней стороне которых находилась та же надпись: «Спаси, господи, люди твоя».⁴ Впрочем, и содержание конституционного проекта Н. М. Муравьева, который следователи анализировать не стали, перекликалось с идеологией «Ордена», призванного сплотить оппозиционно настроенных представителей высшей аристократии, выступавшей противником польской политики

¹ Трубецкой С.П. Указ. соч. С. 60.

² Семевский М.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 385–415; Лотман Ю.М. М.А. Дмитриев – Мамонов — поэт, публицист и общественный деятель // Лотман Ю.М. Избранные труды. Таллинн, 1992. С. 285–290.

³ ВД. Т. XVI. С. 64.

⁴ Нечкина М.В. Движение декабристов. Т. I. М., 1955. С. 136.

Александра. Но вопрос об Ордене, едва возникнув, сразу же был закрыт следователями.

Декабристоведа всегда стремились развести как можно дальше ранние организации декабристов и «Орден русских рыцарей» и выносили его за скобки декабристского движения. Некоторые ученые даже считали его несуществующей, «мнимой» организацией.¹ (Чтобы у исследователей 14 декабря не могло возникнуть никаких ассоциаций с деятельностью «Ордена русских рыцарей», М.В. Нечкина ту же самую фразу — «Спаси, господи, люди твоя» — когда речь шла о рукописи конспекта Трубецкого, назвала «молитвой за Отечество», но в разделе, посвященным документам Ордена, охарактеризовала ее как «молитву за царя». Однако в обоих случаях упоминание о «тропаре», то есть хвале «кресту», патриарх советского декабристоведа опустил. Декабристоведа в этом вопросе шли за «Донесением следственной комиссии», объявившим, что «Орден русских рыцарей» не существовал.

Не получил адекватной оценки и тот факт, что накануне 14 декабря Трубецкой срочно вызвал Орлова в Петербург. Стоило бы только произвести сопоставление бумаг Дмитриева-Мамонова² с показаниями на Пестеля и допросами самого Пестеля, как сразу же обнаружилась генетическая связь и тактических приемов и программных установок лидера южан с тем, что первоначально разрабатывалось в окружении опального генерал-майора, задумавшего создать «Орден русских рыцарей». Если бы следствие всерьез занялось «Русской правдой» Пестеля, то оно без труда установило бы, что она является не чем иным, как развитием проектов,³ обсуждавшихся в окружении сына екатерининского фаворита, объявленного душевнобольным.⁴ От следователей не укрылось бы, что и название первого тайного общества ведет свое происхождение от замыслов, возникших в той же среде.

Тайного общества, созданное А.Н. Муравьевым как раз в то время, когда Орлов создавал свое, неся в себе черты сходства с «Орденом русских рыцарей». При этом надо иметь в виду, что, и подследственные и сами следователи всегда избегали употреблять термин «орден», заменяя его более нейтральным — «общество». Следует особо подчеркнуть, что следствие так и не установило точное название того тайного общества, деятельность которого оно расследовало. Следователи установили, что тайное общество, созданное в феврале 1817 г. носило

¹ Бокова В.М. Эпоха тайных обществ. М., 2003. С. 254–270.

² Семевский М.И. Указ. Соч. С. 404–404.

³ Бокова В.М. Указ.соч.. С. 257–259.

⁴ Лотман Ю.М. Указ.соч. С. 282–349.

название «Союз спасения». Эти данные извлекли из «Исторического обозрения хода Общества» Н.М. Муравьева, прочитанного 8 января 1826 г. в Комитете.¹ Но Пестель в ответах на вопросные пункты после допроса 12 января назвал это общество, устав которой вышел из под его пера, по другому: «общество *Истинных и Верных сынов Отечества*».² 1 апреля ему указали на это несоответствие и потребовали внести ясность. Пестель ответил: «Устав общества, образованного в 1816 г., принятый в начале 1817 г. имел заглавие Общество истинных и верных сынов отечества. О наименовании же общества Союзом спасения, никогда я не слышал».³ Следствие соединило эти два названия — «Союз спасения или истинных и верных сынов отечества»⁴ — так оно было названо в «Донесении следственной комиссии» и из него переключалось и в научную литературу. Никто из ученых не обратил внимания на одно существенное обстоятельство: и то, и другое наименование восходить к «Ордену русских рыцарей», И то, и другое наименование восходить к «Ордену русских рыцарей», апеллирующих к тени Минина и Пожарского. М.А Дмитриев-Мамонов, обсуждавший в переписке с М.Ф. Орловым вопрос о создании этого тайного общества, писал о необходимости того, чтобы рыцари «гремели» об установления закона «спасения нации». Он считал необходимым поставить его под охрану всех храбрых людей России *всех истинных сынов Отечества* (курсив мой М.С.).⁵

Примечательно употребление глагола «греметь». Ни один исследователь не обратил внимания на то, что оно встречается не раз в более поздних декабристских документах. Так Якушкин в «Записках» писал о том, что члены тайного общества «гремели против диких учреждений».⁶ Использование именно этого термина отнюдь не случайно.

М.Ф. Орлов в записке к Николаю I 29 декабря 1825 г. утверждал, что члены Союза благоденствия, не имея связи между собой и без определенной цели, «шумели по поводу и без повода».⁷ Орлов написал свою записку по-французски. Он употребил глагол «vociferer»⁸, что означает «вопить, орать, реветь, выкрикивать». Терминологическое сходство и генетическая зависимость налицо.

¹ ВД. Т. I. С. 305.

² ВД. Т. IV. М.-Л., 1927. С. 100.

³ Там же. С. 154.

⁴ 14 декабря 1825 года и его истолкователи. С. 74.

⁵ Семевский М.И. Указ.соч. С. 405.

⁶ Якушкин И.Д. Записки, статьи, письма, документы. С. 19.

⁷ ВД. Т. XX. С. 161.

⁸ Там же. С. 155.

Как на практике декабристы реализовывали призыв «vociferer», хорошо видно из истории так называемого «Московского заговора» 1817 г., выдвинувшего проект убийства царя за то, что он хотел передать Польше русско-польские губернии и освободить крестьян.¹ 1815 -1825 гг. можно считать временем, когда польская политика Александра I стала средоточием разногласий между властью и обществом.² Именно в ней, как в фокусе, отразилось «расхождение официального курса с оппозиционными настроениями, захватившими различные круги». Но в историографии никогда не предпринималось попыток рассмотреть феномен тайного общества в России через призму этого расхождения, в основе которого лежало отсутствие выработанного механизма разрешения противоречий между интересами дворянского сословия и верховной власти

Для работ, посвященных движению декабристов, характерна абсолютизация протеста против деспотической сути самодержавия. Конкретные же причины, заставившие дворян вступить на путь конспирации, оставались в тени. Между тем среди этих причин важнейшую роль играло стремление царя восстановить Речь Посполитую как самостоятельное государство. Декабристская конспирация традиционно трактуется как организация, ставившая целью отмену крепостного права и ликвидацию самодержавия. Это верно лишь отчасти.

Отсутствие легального инструмента противодействия политике самодержавия, которая шла вразрез с интересами дворянства, не могло не привести к образованию конспирации. При этом прослеживается четкая схема: вначале противодействие намерениям царя присоединить к Польше российско-польские губернии. Потом попытки противостоять проведению освобождения крестьян именно на этих территориях, как первый шаг к воссоединению с Королевством Польским, где освобождение крестьян уже было произведено при Наполеоне. Затем только создание собственных проектов решения крестьянского вопроса по собственному сценарию, максимально обеспечивающему интересы дворянства. Потом разработка идеи представительного правления, при котором ни отторжение территории с 12 миллионным населением, ни освобождение крестьян по сценарию монарха, становиться невозможным без согласия народных представителей. При этом инициатором перемен, мотором преобразований выступала самодержавная власть, персонифицировавшаяся в Александре I, а все, что

¹ См. подробно: Сафонов М.Р. Речь Посполитая и «Московский заговор» 1817 года // Россия — Польша. Два аспекта европейской культуры. Материалы XVIII Царскосельской научной конференции. СПб, 2012. (В печати)

² Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830. М., 2010. С. 469–470.

делала декабристская конспирация, являлось лишь реакцией на предпринятые монархом шаги.

Декабристская конспирация никогда не рассматривалась как орган, являвшаяся в руках дворянства, орудием воздействия на внешнюю и внутреннюю политику, не столько даже самого правительства, сколько конкретного монарха. «Московский заговор» был первым в длинной череде царевубийств, проекты которых тайное общество на протяжении своего десятилетнего существования выдвигало одно за другим. Но ни одно из них не было совершено. Следственный комитет, тщательно искавший прежде всего царевубийц, так и не смог обнаружить каких-либо следов практической подготовки убийства царя.

Между тем, потенциальная угроза, даже в большей степени личной расправы над царем и его семьей, нежели социального переворота в целом, являлась сильнодействующим средством, удерживающим монарха от шагов, которые он сам считал в принципе целесообразными. При этом просматривается некая синхронная связь между попытками Александра I восстановить Речь Посполитую и появлением проектов царевубийства, от совершения которого в действительности удерживали руководители конспирации. Эта схема прослеживается на протяжении всего существования декабристской конспирации. При чем эти весьма эмоциональные проекты возникали с удивительной регулярностью накануне поездок царя на Сеймы Царства Польского или европейские конгрессы Священного союза.

В XVIII столетии, конфликт между интересами всего дворянства и личными взглядами царя разрешался дворянской расправой над помазанником. Но более просвещенный XIX век породил и более гуманную форму решения этого вопроса: мушкетирование слухов о царевубийственных планах, которые рано или поздно по не совсем понятным каналам становились известными царю, и удерживали его у роковой черты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив графов Мордвиновых. Т. IV. СПб., 1902. С. XX-XXXIII. Восстание декабристов. Т. I. 1925.
2. Восстание декабристов. Т. III. М.: Л., 1927.
3. Восстание декабристов. Т. IV. М.: Л., 1927.
4. Восстание декабристов. Т. IX. М. 1950.
5. Восстание декабристов. Т. XVI. М., 1986.
6. Восстание декабристов. Т. XX. М., 2001.

7. Конституционная хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского. (1814–1881). СПб., 1907.
8. Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1876.
9. Муравьев А.Н. Сочинения и письма. Иркутск. 1986.
10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXXIII. СПб., 1830.
11. Русская старина. 1882. Т. XXXV.
12. Трубецкой С.П. Записки : Письма И.И. Толстому 1818- 1823. СПб, 2011. С. 52.
13. Якушкин И.Д. Записки, статьи, письма, документы. М., 1951

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аскенази Ш. Царство Польское. 1815–1830. М., 1915.
2. Бокова В.М. Эпоха тайных обществ. М., 2003.
3. Вернадский Г. В. Государственная уставная грамота Российской империи 1820 г. Прага, 1925.
4. Декабристы : Биографический справочник. М., 1988.
5. Лотман Ю.М. М.А. Дмитриев –Мамонов — поэт, публицист и общественный деятель // Лотман Ю.М. Избранные труды. Таллинн, 1992.
6. Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. М., 1989.
7. Нечкина М.В. Движение декабристов. Т. I. М., 1955.
8. Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830. М., 2010.
9. Сафонов М.М. Междуцарствие // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995.
10. Сафонов М.Р. Речь Посполитая и «Московский заговор» 1817 года // Россия — Польша. Два аспекта европейской культуры. Материалы XVIII Царскосельской научной конференции. СПб, 2012. (В печати)
11. Семевский М.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909
12. Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Т. III. СПб, 1905.
13. Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Т. IV. СПб., 1898. Чернов К.С. Забытая конституция : «Государственная Уставная Грамота Российской империи. М., 2007
14. 14 декабря 1825 года и его истолкователи. М., 1994. С. 317.
15. Angeber. Le Congrès de Vienne et les traités 1815. Т. III. Paris, 1864. P. 1224–1225.